

Научная статья
УДК 94 (470.6)"18"
<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.3.8>

«ПОКАЖЕТСЯ СОВЕРШЕННО НЕВЕРОЯТНОЙ ТА ТИШИНА...»: К ОЦЕНКЕ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ ПОСЛЕ ЗАВЕРШЕНИЯ БОРЬБЫ С МЮРИДИЗМОМ

Павел Сергеевич Мордовин¹

¹ Пятигорский государственный университет (д. 9, просп. Калинина, Пятигорск, 357532, Российская Федерация)
Аспирант
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6461-4517> E-mail: ud@pgu.ru

Аннотация. Введение. Статья рассматривает ситуацию на Северном Кавказе, сложившуюся к началу 60-х гг. XIX в. после завершения там вооружённого противостояния. Россия доказала свою несокрушимость, а горцы, уставшие от непрерывной войны, готовы были идти на компромисс с российским правительством. Это открывало новые возможности для мирного обустройства края. **Материалы и методы.** Автор отмечает, что несмотря на прекращение активных боестолкновений, добиться полного спокойствия в регионе долго не получалось. Оставались люди, которые не примирились с поражением, не желали или не умели отказаться от привычного для них традиционного существования, устраивали нападения на гражданское население и военнослужащих Кавказской армии. Исследование построено на анализе текстов отечественных кавказоведов и комплексе документальных материалов, как опубликованных, так и полученных из архивных фондов ГАКК. В качестве приемов историко-политического исследования использовались ретроспективный, иллюстративный и сравнительный методы. **Анализ.** Автор статьи обращает внимание на то, что сохранявшиеся криминальные правонарушения вызывали широкое недовольство и беспокойство как среди славянских поселенцев, так и среди множества горцев, поскольку мешали им выстраивать конструктивный диалог. Для искоренения преступности они готовы были вступать в ряды ми-

лиции, комплектовавшейся из числа добровольцев, участвующих в наказании «непримиримых» врагов российской государственности и утверждения мирной жизни. **Результаты.** Сторонникам милитарного существования, не сумевшим найти себя в условиях мира и созидательной деятельности, власти обещали амнистию. Все, кто упорствовал в сопротивлении новым порядкам, при поимке выслались за пределы Кавказа, для ослабления их влияния на местные общества. С другой стороны, в этих людях видели соотечественников и не стремились прибегать к крайним мерам, рассчитывая продемонстрировать справедливость правопорядка, распространявшегося на Северном Кавказе после победы русского оружия.

Ключевые слова: борьба, Северный Кавказ, горцы, разбой, войска соотечественники, администрация

Для цитирования: Мордовин П. С. «Покажется совершенно невероятной та тишина...»: к оценке военно-политической ситуации на Северном Кавказе после завершения борьбы с мюридизмом // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10 (3). С. 425–430. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.3.8>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 09.05.2023.

Статья одобрена после рецензирования: 16.06.2023.

Статья принята к публикации: 29.07.2023.

Research article

“THAT SILENCE WILL SEEM ABSOLUTELY INCREDIBLE...”: ON THE ASSESSMENT OF THE MILITARY-POLITICAL SITUATION IN THE NORTH CAUCASUS AFTER THE END OF THE FIGHT AGAINST MURIDISM

Pavel S. Mordovin¹

¹ Pyatigorsk State University (house 9, avenue Kalinin, Pyatigorsk, 357532, Russian Federation)
Postgraduate student
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6461-4517> E-mail: ud@pgu.ru

Abstract. Introduction. The article examines the situation in the North Caucasus that had developed by the beginning of the 1960s following the end of the armed confrontation. Russia proved its invincibility, and the highlanders, tired of the continuous war, were ready to compromise with the Russian government. This opened up new opportunities for the peaceful settlement of the region. **Materials and methods.** The author notes that despite the cessation of active clashes, it was not possible

to achieve complete calm in the region for a long time. There were people who did not reconcile with the defeat, did not want or were not able to give up their traditional existence, which they were accustomed to, attacked the civilian population and the military personnel of the Caucasian army. The study is based on the analysis of the texts of domestic Caucasian scholars and a set of documentary materials, both published and received from the archival funds of the GAKK. Retrospective, illustrative

and comparative methods were used as methods of historical and political research. **Analysis.** The author of the article draws attention to the fact that the preserved criminal offenses caused widespread discontent and concern both among the Slavic settlers and among many highlanders, as they prevented them from building a constructive dialogue. In order to eradicate crime, they were ready to join the ranks of the militia, recruited from among volunteers involved in the punishment of «irreconcilable» enemies of the Russian statehood and the establishment of a peaceful life. **Results.** The authorities promised an amnesty to supporters of a militaristic existence who failed to find themselves in conditions of peace and creative activity. All those who persisted in resisting the new order were expelled from the Caucasus when caught, in order to weaken their influence on local societies. On the other hand, they saw compatriots

Введение. Завершение вооружённой борьбы с имаматом Шамиля вызвало серьёзные эмоциональные переживания среди участников этого эпохального и растянутого во времени события. Речь здесь шла не только о тех, кто боролся с оружием в руках против России, но и о русских ишанах горского имама. В этой связи весьма наглядным является свидетельство безымянного автора популярной в крае газеты «Кавказ»: «Человеку, и особенно военному человеку, оставившему Кавказ пять или десять лет назад, покажется совершенно невероятной та тишина, та невозмутимость, которая теперь заменила тревоги и волнения прежней кавказской жизни» [8, с. 1].

Все трудности покорения края ассоциировались с у многих с умным, энергичным горским вождем, сумевшим сплотить горскую вольницу и организовать её на борьбу против империи. Теперь, когда имам Шамиль навсегда покинул Кавказ, будущее русского владычества, казалось, не могут поколебать никакие вызовы или угрозы. Все ожидали скорого умиротворения беспокойного южного пограничья: «Мы живём теперь в переходное время; от этого-то так трудно определить его истинную характеристику. Но в нас глубоко лежит то отрадное убеждение, что мы носим в себе зародыш великого и прекрасного будущего...» [8, с. 1]. Не смущала даже продолжавшаяся борьба с черкесами на Северо-Западном Кавказе, которая уже не казалась непреодолимым препятствием, и активизация там значительных сил закалённой и опытной армии внушала оптимизм на скорую победу.

Материалы и методы. Рассматривая складывавшуюся в северокавказском регионе ситуацию послевоенного замирения, следует отметить, что эйфория, охватившая многих людей, ожидавших освобождения от угроз и тревог, не могла длиться долго. Очень скоро власти столкнулись с новыми проявлениями вооружённого противоборства со стороны части горского мира, который не соглашался принимать предлагаемый ему имперский порядок жизни. Эти люди не представляли широкой и сплочённой массы, не имели организации,

in these people and did not seek to resort to extreme measures, hoping to demonstrate the justice of the rule of law that spread in the North Caucasus after the victory of Russian weapons.

Keywords: struggle, North Caucasus, highlanders, robberies, compatriots, troops, administration

For citation: Mordovin P. S. "That silence will seem absolutely incredible...": on the assessment of the military-political situation in the North Caucasus after the end of the fight against Muridism. Humanities and law research. 2023;10(3) : 425–430. (In Russian). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.3.8>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 09.05.2023.

The article was approved after reviewing: 16.06.2023.

The article was accepted for publication: 29.07.2023.

сходной с прежней горской теократией имама Шамиля, её масштабы не достигли былого размаха, но говорить, что сопротивление сделалось уделом маргиналов-одиночек, было бы неправдой. В горных районах, где некогда находился эпицентр войны, по-прежнему сохранялись условия для проявления массового недовольства и были люди, стремившиеся добиваться реванша.

Российская администрация, накопившая к середине XIX столетия немалый опыт общения с народами края, прекрасно видела разницу между обществами, которые давно проживали на равнине и были открыты для взаимодействия, и теми, кто в силу различных, прежде всего, ландшафтных обстоятельств, крайне неохотно воспринимал любые предлагавшиеся новации. К числу первых, к примеру, относились кумыки, которые удалялись хвалебных и комплементарных оценок со стороны царской администрации. Местные жители считались не склонными к вооружённому выступлению по причине своей зажиточности: «В округе Кумыкском и свойство местности, повсюду ровной, и материальный быт народа, достигнутый под нашим управлением весьма значительной степени благосостояния, также устраняют опасность восстания» [2, с. 412].

В отличие от кумыков жители высокогорий юго-восточной Чечни, ичкерийцы, напротив, доставляли немало хлопот и имели характеристику крайне неуживчивых людей. Рассуждая о том, как выстраиваются взаимоотношения с этим народом, наблюдатели отмечали: «Тут всё сложилось против нас – и характер народа, и общественный быт его, и местность. От природы восприимчивый и до крайности легкомысленный характер этого народа при всяких, даже благоприятных обстоятельствах представлял бы большие затруднения для того, чтобы управлять им» [2, с. 412-413].

Если с существующим «характером народа» ожидать скорых изменений не приходилось, то вынудить этот народ сменить ландшафтную зону проживания российским властям было вполне по силам. Это не только предоставляло ичкерийцам

шанс более эффективно заниматься мирным трудом, но и ставило их под контроль военной администрации, т. к. лишало горцев возможности укрыться в труднодоступной местности.

Сторонником такого способа решения проблемы был генерал Н. И. Евдокимов. Он начал зарабатывать и воплощать его в жизнь вначале в Чечне, а затем продолжил на Северо-Западном Кавказе, куда его отправило военное командование после пленения Шамиля [10, с. 148–150]. Благодаря решительности и компетентности этого человека длившееся десятилетиями противостояние закончилось за несколько лет. Проблему решали комплексно. Вместе с проведением военных операций, одновременно, широко практиковалась русская колонизация некогда неподконтрольных территорий и перемещение горских племён на плоскость [10, с. 210]. Те, кто не пожелал примириться с наступившей действительностью, вынуждены были искать счастья в эмиграции. Османская Порта, охотно приглашала горцев на свои земли, рассчитывая с их помощью контролировать нелояльные султану народы, и получить дополнительные контингенты заклённых бойцов [11, с. 198].

Освобождавшиеся места стали заполнять новопоселенцами, при помощи которых закрепляли за Россией этот фронт. По словам Д. А. Милютин, «покинутая туземным населением обширная горная полоса Черноморского побережья осталась совершенно пустынной. Предстояла нам новая задача – занять войсками и заселить эту местность. В среде кавказской администрации и отчасти в публике существовало убеждение, что в этой роскошной стране, богато одарённой природой, не трудно будет водворить мирное, трудолюбивое и промышленное население» [14, с. 509].

Исследование представленной точки зрения на решение проблемы замирения в горах Кавказа проводилось с учетом исторического контекста и метода исторической реконструкции. При помощи метода научного синтеза, двигаясь от конкретного к абстрактному, объединяя многообразие в единство, автору удалось получить новые знания и глубоко проникнуть в существо исследуемой проблемы.

Анализ. Как показал дальнейший ход событий, решение вышепоименованной проблемы оказалось не простой задачей. Освоение непривычного для славянского населения края требовало значительных усилий и материальных затрат, а также стоило немало жизней. В контексте рассматриваемой проблемы, хотелось бы отметить, что только акклиматизацией, переходом к новому хозяйственному укладу и т.п. трудности не ограничились. Поскольку выяснилось, что не все горцы, которые решили остаться на земле предков и согласились примириться с новыми условиями существования, отказались от своих набеговых занятий.

Администрации ещё долго приходилось искоренять подобное явление, тем более что в разбоях стали участвовать и казаки, нередко выдававшие себя за черкесов. Так, грабители выдавали себя за хакучей, проживавших «в недоступных котловинах около Бабукова аула и в верховьях Кбоады и Мзымты», где было «достаточное число неоткрытых, которые так и остались жить в горах» [5, л. 1 об.]. На них списывались все криминальные происшествия в крае. Казаки с трудом приспосабливались к новым местам поселения, но неплохо научились договариваться со вчерашними противниками, когда речь шла о преступном промысле [5, л. 4]. Но были свидетельства и противоположного подхода к грабительскому промыслу. Наглядное подтверждение мы видим в отчёте начальника Урупского округа за 1868 г.: «Грабежи и разбои... уже доказано производились шайкою беглецов, совместно с немирными горцами, проживавшими в горных тущобах главного хребта, а не жителями округа, кои не только не принимали в этом участия, но даже старались всеми мерами оказать содействие казакам, к уничтожению оных разбойничьих шаек...» [3, л. 106]. Рецидивы вооружённых эксцессов не удалось ликвидировать в сжатые сроки, но они уже не могли серьёзно поколебать власти империи в регионе.

Хотелось бы обратить внимание на то, что немалое число черкесов выражали готовность принять участие в искоренении криминала в крае, и просили русское начальство записать их в милиции. Так, в предписании помощника Начальника Кубанской области по управлению горцами говорилось, что «желание жителей... округа идти на южный склон для поимки беглецов из округа и для выселения шапсуг, ещё остающихся в тущобах» нашло понимание и поддержку у руководства. Генерал-адъютант Сумароков-Эльстон дал «своё согласие на то, чтобы в округе было собрано не менее 200 милиционеров» [4, л. 12].

Избавившись от наиболее опасных антагонистов, России приходилось продолжать принуждать население Северного Кавказа принять её социально-правовые установки. Новые для горских жителей установки и смыслы жизнеустройства приживались медленно, а потому то и дело приходилось ликвидировать очаги недовольства, порождаемые непривычной для горцев ситуацией. Их традиционные способы регулирования противоречий нередко вступали в конфликт с законами государства.

Серьёзным раздражающим фактором стали шаги правительства, направленные на создание условий для добровольно-принудительного перемещения горцев на равнины. Решено было использовать традиционно болезненную тему, связанную с недостаточной обеспеченностью горских обществ землёй. По словам генерала

Муссы Кундухова, власти нашли «полезным стеснить чеченцев землёю, чтобы они сами оставили Чечню и переходили на жительство за Терек. С этой целью назначена была комиссия под председательством генерального штаба полковника Розенкампа. Она выяснила количество чеченской земли и вопреки только что отданного чеченцам акта, вся нагорная часть её отошла в казну, а чеченцам оставлена только незначительная часть её без леса...» [12, с. 39-40].

Подобные действия властей неминуемо привели в волнение горские общества и способствовали созданию базы для рекрутирования сторонников продолжения военного противостояния с русскими. Генерал Кундухов, будучи кавказским уроженцем, не принял методов правительства по замирению Кавказа и перешёл на службу турецкому султану, хотя на царской службе достиг значительного карьерного роста.

Для многих горских жителей новые обстоятельства выглядели катастрофическими: «Молодёжи стало жаль минувшего – она была готова вернуться к прежней жизни, лишь бы представился случай. Ещё более жалели о прошлом те лица, которые занимали разные должности во время шамилёвского управления. Мир лишил их прежней власти, прежнего значения в народе, лишил и тех доходов, которыми так легко было пользоваться при самовласти» [15, с. 60]. Именно эти люди сделали основой для антиправительственных выступлений, сохранив высокий накал протестных настроений.

Отметим, что вышеприведенные строки были написаны в 1862 г., т. е. в период, когда эффект воздействия на умы «немирных» горцев от пленения Шамиля всё ещё оставался сильным, а понесённые потери от противостояния русским не были восполнены. Со временем негативные коннотации от воспоминаний потеряли болезненность, но не перестали будоражить кавказское общество. Новому поколению горцев эпоха мюридизма посредством мифологизированной комплиментарности представлялась героической, а потому не переводились сторонники решительных действий в борьбе за уклад предков.

К числу тех, кто не нашёл для себя достойного места в новой жизни относился Байсунгур Беноевский. О морально-волевых качествах этого человека говорил тот факт, что в борьбе на стороне имамата, он лишился части конечностей (руки и ноги) и глаза. Это, однако, не мешало ему продолжать лично участвовать в нападениях на российские гарнизоны и своим примером увлекать соплеменников. Непримируемость беноевцев отмечал в своё время даже имам Шамиль, считая жителей аула серьёзной проблемой из-за их воинственности и неуживчивости. Опасность заключалась в фанатичной ненависти к русским жителям аула Беноев и их наиба Байсунгура по

прозвищу «Биргез» (одноглазый, кривой). Пленный русскими имам считал, что «восстание этого аула, если только жив Байсунгур, неизбежно» [1, с. 1446–1447].

Дальнейшие события показали справедливость предупреждений бывшего горского вождя. Байсунгур начал действовать уже в 1860 г., найдя в Гумбетовских лесах надёжное укрытие для себя и своих сторонников, которых насчитывалось до 1218 человек [6, с. 169]. Такого рода утверждения приходилось принимать на веру, т. к. надёжных источников получения информации у властей не было. Но даже если это было преувеличением, слухами, воздействие таких слухов на умы горских жителей было несомненным. Не успев избавиться от Шамиля, российские власти рисковали получить ему на смену нового харизматичного лидера.

Байсунгур не относился к числу верхушки бывшего имамата, и довольно редко его имя встречалось на страницах официальных документов. Не уделяли ему внимания и в мемуарной литературе [16, с. 72]. Он, скорее, представлял «второй эшелон» горской элиты, которая возвысилась в период противоборства с Россией. Но после того, как наиболее яркие личности выбыли из борьбы, будучи либо устранены физически, либо перешли на сторону победителей, судьба подарила Байсунгуру шанс сделаться лидером оставшейся в строю когорты непримиримых.

Он изнурял военные отряды и местные милиции своей неуловимостью и неожиданными набегами. Однако, в конце концов, власти сумели найти способы борьбы с подобными выступлениями. Все селения, которые могли предоставить повстанцам пищу и кров, были выселены на равнину, и поимка Байсунгура стала вопросом времени. Вместе с ближайшими соратниками он оказался в плену, а затем был казнён по приговору суда. Одновременно ликвидировали около двух сотен абреков-одиночек, имена которых были не столь популярны, а потому остались неизвестными.

Ситуация между тем переломить не удавалось. Не успев погасить недовольство беноевцев, российское командование вынуждено было подавлять выступления в Аргунском округе. Они были спровоцированы слухами о желании царских властей переселить чеченцев за Терек и привлечь к военной службе. На слуху были имена новых горских предводителей – Атаби Атаева и Уммы Дуева. Они успели завоевать авторитет среди местных жителей. Им верили и за ними шли. Пока не опали листья с деревьев в горных лесах, надежды поймать неуловимых бунтовщиков у командования не было. Не помогало и переселение части чеченских аулов на равнину [7, с. 690–692].

Положение дел было достаточно серьёзным, а «шайки Умадуя и Атабая так усилились, что командир Навагинского пехотного полка полковник

князь Туманов не счёл себя в силах преследовать их, особенно после того, что собранная им местная милиция (из шатоевцев) изменила нам и предательски напала на сопровождаемый ею батальон. И здесь подавление мятежа пришлось отложить до зимы» [13, с. 461].

Нормальная жизнь в крае была парализована. Ежедневно приходили известия о нападениях и грабежах, которые приписывались неуловимым горским предводителям. У наблюдателей складывалось впечатление, что такими шагами они стремились не столько добиться обогащения, сколько добивались политической власти, надеясь поднять широкие народные массы на новую борьбу с «неверными». Ситуация настолько обострилась, что военные власти не могли поддерживать связи с разбросанными по краю небольшими укреплениями, гарнизоны которых фактически оказались в осаде. Генералу Н. И. Евдокимову всё же удалось несколько поправить ход событий в пользу российских властей, нанести мятежникам поражение и заставить скрываться в лесах, но они быстро оправились от удара и вновь продолжили мятеж.

Противостояние приобретало формы культурно-религиозного противоборства. Обе стороны активно использовали методы пропагандистского воздействия на своих сторонников и противников. Особо отличался на этом поприще Атабаи Атаев (Атабай), стремившийся придать своим действиям черты джихада. Но, как отмечали современники, «к счастью, чеченцы уже начали понемногу убеждаться в выгодах спокойной жизни; а с другой стороны и Атабай не имел тех личных качеств, которые необходимы для того, чтобы увлечь народные массы. Он не пользовался особенным уважением от народа» [15, с. 60].

Российское командование, выждав момента, когда деревья сбросили листву, начало широкомасштабную операцию по уничтожению отрядов непокорных горцев. Привлекались и милицейские иррегулярные части, укомплектованные выходцами из Грузии и Дагестана. Автор считает, что таким образом демонстрировалась готовность народов Кавказа участвовать в искоренении разрушительного бунтарства. Это должно было внушить мятежным чеченским селениям мысль об отсутствии надежды на помощь со стороны. Кроме того, проводилась активная пропагандистская обработка колеблющихся умов.

Среди представителей российской власти были люди, которые пользовались доверием в горской среде. Мятежные горцы выражали готовность вступить с ними в переговоры, даже наиболее непримиримые представители горской оппозиции. К числу таких людей относился Мусса Кундухов, призывавший чеченцев осознать всю пагубность

их действий, поскольку «воровство, разбой, грабежи и убийства ... Богу противны, не соответствуют духу настоящего времени...» [12, с. 38].

Добиваясь изменения хода событий в свою пользу российская власть использовала приверженность местного населения религиозным устоям и по необходимости апеллировала к ценностям ислама, убеждая прекратить насилие, которое было присуще временам «безначалия и глубокого невежества... когда никто из кавказских горцев не знал как Богу служить» [12, с. 38].

По мере того, как концентрация войск в районе планируемой операции увеличивалась и были перекрыты все способы к мятежу, число колеблющихся заметно возрастало, и они спешно прекращали сопротивление [6, с. 172].

Результаты. По итогам проведенного исследования было выявлено, что особенностью местного горского повстанчества была его связь с конкретными харизматичными предводителями. Люди шли не столько за предлагавшимися им идеями, сколько за их носителями. Эта особенность позволила властям достаточно эффективно бороться с остаточными мятежами, направив свои усилия на физическую ликвидацию лидеров или вывода их за пределы процесса. После их гибели или пленения организованное сопротивление либо быстро прекращалось, либо шло на спад.

Немалую роль в данном деле сыграл генерал Мусса Кундухов, который убеждал чеченцев передать в руки властей своих предводителей, деятельность которых противоречила воле Аллаха, обещая за это амнистию. В результате многие приближённые Атабая были выведены из игры, а сам бывший кадий, лишившись доверия горцев, явился в селение Шатоевское, сдавшись на милость генерала Д. И. Святополка-Мирского. Скоро его примеру последовали остававшиеся в горах его сторонники.

В том случае, когда воззвания и пропаганда не приносили успеха, действовали жестко и решительно. Уму Дуева искали в окрестностях аула Дзумсой, куда прорубили просеки, чтобы получить возможность добраться до этого труднодоступного селения. Сочувствовавшие Дуеву окрестные селения были оккупированы войсками, а местным жителям запретили снабжать мятежного предводителя необходимыми ресурсами, без которых он не мог рассчитывать на продолжение сопротивления. Не дожидаясь озлобления против него земляков, Ума Дуев стал искать возможности для почётной капитуляции. В качестве посредника выступил чантинский наиб [9, с. 78]. Несмотря на жесткость по отношению к горским мятежникам, если существовала возможность не проливать кровь, власти предпочитали договариваться.

Литература

1. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Тифлис, 1904. Т. XII. 1552 с.
2. Вайнахи и имперская власть: проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало XIX – середина XX в.) / авт. коллектив. Москва: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011. 1094 с.
3. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. 774. Оп. 1. Д. 124.
4. ГАКК. Ф. 774. Оп. 1. Д. 441.
5. ГАКК. Ф. 774. Оп. 1. Д. 562.
6. Гатагова Л. С. Северный Кавказ в эпоху поздней империи: природа насилия. 1860-1917: монография. М.: Новый хронограф, 2016. 448 с.
7. История Чечни с древнейших времён до наших дней: В 2 т. Т. I. / 2-е изд., испр., доп. Грозный: Книжное издательство, 2008. 828 с.
8. Кавказ в 1861 году // Кавказ. 1862. 1 января. № 1.
9. Кавказская летопись // Кавказ. 1862. 18 февраля. № 15.
10. Клычников Ю. Ю. Солдат империи Николай Иванович Евдокимов: монография. Пятигорск: ПГУ, 2019. 277 с.
11. Кудяева С. Г., Хут Л. Р. Адыгские махаджеры на Балканах // Культура и быт адыгов (этнографические исследования). 1991. Вып. VIII. С. 187-209.
12. Кундухов М. Мемуары. Владикавказ: Издательско-полиграфическое предприятие им. В. Гассиева, 2013. 92 с.
13. Милютин Д. А. Воспоминания. 1856-1860 / под ред. Л. Г. Захаровой. М.: РОССПЭН, 2004. 560 с.
14. Милютин Д. А. Воспоминания. 1863-1864 / под ред. Л. Г. Захаровой. М.: РОССПЭН, 2003. 688 с.
15. О последних действиях в Терской области // Кавказ. 1862. 8 февраля. № 12.
16. Тахнаева П. И. Наиб Байсунгур из Беноя (по страницам биографии) // Кавказский сборник. Т. 9 (41) / под ред. В. В. Дегоева. М.: Русская панорама, 2015. С. 67-75.

References

1. Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission. Tiflis; 1904. V. 12. 1552 p. (In Russ.).
2. Vainakhs and imperial power: the problem of Chechnya and Ingushetia in the internal politics of Russia and the USSR (beginning of the 19th – middle of the 20th centuries). Moscow: ROSSPEN; Fond «Presidential Center B. N. Yeltsin», 2011. 1094 p. (In Russ.).
3. State Archive of the Krasnodar Territory (GAKK). F. 774. Inv. 1. D. 124. (In Russ.).
4. GAKK. F. 774. Inv. 1. D. 441. (In Russ.).
5. GAKK. F. 774. Inv. 1. D. 562. (In Russ.).
6. Gatagova L. S. North Caucasus in the era of the late empire: the nature of violence. 1860-1917. Moscow: New chronograph; 2016. 448 p. (In Russ.).
7. The history of Chechnya from ancient times to the present day: In 2 vols; 2-e revised and enlarged edition. Grozny: Book publishing house, 2008. 828 p. (In Russ.).
8. Caucasus in 1861. Kavkaz = Caucasus. 1862; January 1st. No. 1. (In Russ.).
9. Caucasian Chronicle. Kavkaz=Caucasus. 1862; February 18. No 15. (In Russ.).
10. Klychnikov Yu. Yu. Empire soldier Nikolai Ivanovich Evdokimov. Pyatigorsk: PSU publ, 2019. 277 p. (In Russ.).
11. Kudaeva S. G., Hut L. R. Adyghe Muhajirs in the Balkans. Kul'tura i byt adygov (etnograficheskie issledovaniya) = Culture and life of the Circassians (ethnographic research). 1991;8:187-209. (In Russ.).
12. Kunduhov M. Memoirs. Vladikavkaz: Publishing and printing enterprise. V. Gassieva; 2013. 92 p. (In Russ.).
13. Milutin D. A. Memories. 1856-1860. Edited by L. G. Zakharova. Moscow: ROSSPEN; 2004. 560 p. (In Russ.).
14. Milutin D. A. Memories. 1863-1864. Edited by L. G. Zakharova. Moscow: ROSSPEN; 2003. 688 p. (In Russ.).
15. On the latest actions in the Terek region. Kavkaz = Caucasus. 1862; February 8. No 12. (In Russ.).
16. Tahnaeva P. I. Naib Baysungur from Benoy (by pages of biography). Kavkazskij sbornik = Caucasian compilation. 2015;9 (41):67-75. (In Russ.).